

М. Швецовъ.

Экзаменъ.

Драматическое стихотвореніе.

Лирическая стихотворенія.

Вологда.
Типографія А. А. Галкина.
1912.

Дѣйствіе происходитъ

въ Парижѣ въ Сорбоннѣ

(въ XVI вѣкѣ).

Отъ автора.

Стихотвореніе «Экзамень» за исключеніемъ первыхъ двухсотъ стиховъ написано нѣсколько лѣтъ назадъ; непредвиденныя обстоятельства вынуждали автора нѣсколько разъ отлагать печатаніе. Съ того времени **Сцена въ Сорбоннѣ** подверглась незначительнымъ измѣненіямъ и былъ вновь написанъ **Прологъ**.

Дата времени дѣйствія (XVI вѣкъ) поставлена лишь приблизительно; равнымъ образомъ неизвѣстный мудрецъ, о которомъ говоритъ Джакомо въ концѣ монолога, имѣетъ почти однѣ только внѣшнія черты сходства съ великимъ голландскимъ философомъ. Таковы были по крайней мѣрѣ намѣренія автора.

П Р О Л О Г Ъ.

Внутренній дворъ Сорбонны. Утро. Ель тѣни каштановой аллеи медленно проходятъ Джакомо и Библиотекаръ.

Библиотекаръ (продолжая начатый разговоръ)

Внѣ всякихъ сомнѣній!.. Скажу откровенно: я съ наслажденіемъ прислушивался вчера къ Вашему состязанію съ каноникомъ. А вѣдь его побаиваются даже въ профессорской коллегіи! Ученость Ваша удивительна и думается, что втихомолку всѣ слушатели признали ваше превосходство. Многіе не скрывали удовольствія; что и понятно. Высокомѣріе каноника становится положительно нестерпимымъ.

Джакомо.

Пожалуй. Но, этого мало для успѣха въ предстоящемъ клялоквиумѣ. Монахамъ стало забавно только, что хитрый эзеветъ запутался въ противорѣчіяхъ и очень желалъ избавиться отъ ихъ досаднаго присутствія. Сами они достаточно невѣжественны и врядъ ли ихъ интересовала сущность нашего спора.

Библиотекаръ (останавливаясь)

Да. Важно—какъ отнесется къ Вашимъ взглядамъ Епископъ. Онъ самъ—докторъ Сорбонны и его вліяніе въ коллегіи сильно. Онъ, зачастую, рѣшаетъ, вѣрнѣе, предрѣшаетъ, академическія дѣла единолично. При томъ не скрою: онъ вообще не любитъ итальянцевъ за ихъ склонность къ астрологіи и медицинѣ.

(помодчавъ)

Наконецъ, Вы понимаете сами... исключительность своего положенія. Вамъ извѣстно, что студенты проводятъ въ стѣнахъ Сорбонны не менѣе десяти лѣтъ, и все это время ихъ настойчиво...

Джакомо (съ легкой усмѣшкой)

Вы полагаете: въ такой срокъ безъ труда можно убѣдить въ противномъ... любого изъ римскихъ первосвященниковъ?

Библіотекаръ.

Намекъ Вашъ прозраченъ. Но, не смѣйтесь! Ропрессъ спорный: удастся, либо нѣтъ, въ концѣ концовъ нашимъ богословамъ отстоять независимость своихъ постановленій отъ римской курии? Помните, какъ сильна была рука Филиппа VI, когда папа Іоаннъ вздумалъ рѣшительно третировать Сорбонну?

Джакомо.

Всего печальнѣе, когда бериба догматовъ рѣшится солдатами.

Библіотекаръ.

Согласитесь: массы слишкомъ темны. Не каждому дано понимать доказательства истинности того или другого вѣрученія. Съ другой стороны, преступно допускать вѣрующихъ коснѣть въ элементарныхъ заблужденіяхъ... Вы не станете отрицать, что нерѣдко мечъ былъ истиннымъ носителемъ культуры.

Джакомо.

Достаточно вспомнить гунновъ. Однако, если бы не ваши монастыри, было-бы плохо. Греческая діалектика и этрусскія вазы требуютъ болѣе нѣжнаго сбращенія, чѣмъ то, на которое были способны сѣверные пришельцы. Полуневѣжественные монахи, осконивъ, сохранили все—таки Аристотеля. Вернемся, однако, къ современности. Вы правы. Десять лѣтъ узкой богословской ферулы могутъ убить всякую самостоятельность.

Библіотекаръ.

А экзамены Сорбонны—это настоящій вѣнецъ гогого схоластическаго зданія. По старымъ правиламъ экзамень тянулся отъ восхода до захода солнца. Независимо отъ знаній диспутантъ долженъ былъ обнаружить явное превосходство духа надъ матеріей. Онъ не могъ ни вкушать, ни пить во все время

испытанія и долженъ былъ отразить нападенія не менѣе двухъ дюжинъ противниковъ, которые черезъ каждые полчаса уступали одинъ другому свое мѣсто и на разные лады сбивали влосчастнаго ученаго. Нынче, впрочемъ, старый обычай немногѣо смягчился и вся процедура сопеканія докторской шапочки стала проще.

(нѣсколько тише)

Вы замѣтили вчера маленькаго сухощаваго патера съ лицомъ сиблаго оливка? Это — сборный ключарь, отецъ Бернардь. Любимецъ Епископа, которому и переносить про нашихъ монаховъ доскональнѣе все, хотя, сказать справедливо: ничего не добавляя и не убавляя.

Джакомо (улыбаясь)

Довольно и послѣдняго.

Библиотекаръ.

И вотъ, когда ключарь вышелъ, толстый Доминикъ, защуривъ по обыкновенію правый глазъ проговорился, что Тора мѣстами поустарѣлъ и что нынче каждая опрятная женщина знаетъ безъ Моисея, какъ ей обращаться съ собою
в р е м е н а м и ..

Джакомо (разсѣянно слушая его болтовню)

Во чтобы-то ни стало надѣюсь добиться степени. Значеніе Сорбонны огромно. Такъ или иначе — она встрѣтится на моемъ пути. Пусть Епископъ, какъ мѣняла свои центезимы, провѣряетъ контексты Вульгаты: я тщательно изучать Писаніе. Но, если возникнетъ научное разногласіе, я докажу...

Библиотекаръ (серебиваясь)

Ваша бѣда Епископъ терпѣть не можетъ никакихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя приходятъ ему самому въ голову. Онъ умалчиваетъ о многихъ мѣстахъ блаженнаго Августина и глядитъ искоса на Оригеновы «Нехарла».

Джакомо.

Безъ спора трудно утвердить любую доктрину. Какъ ни смѣшно, заблужденія даже необходимы. Тѣмъ явственнѣй выдѣляется малодоступная до времени истина.

Библіотекаръ (жметъ руку Джакомо)

Желаю сираведливаго успѣха. Одна ваша горячая преданность наукѣ заслуживаетъ всякаго уваженія. И свисхожденія, если-бы Вы разошлись въ маловажномъ съ ученѣйшей коллегіей.

(уходятъ)

СОРБОННА.

Длинная сумрачная зала. Своды. Въ глубинѣ сцены каседрa.
Входятъ Епископъ, аббаты, доктора, ученики и Джакомо.

Епископъ.

Благослови, Господь, пришедшихъ
Надежды наши оправдать,
Въ священно-мудрости обрѣтшихъ
Достойный трудъ и благодать.
Передъ началомъ испытанья
Хвалу Благому воздадимъ.
(молится)

Толстый аббатъ (тонкому)

Шепните мнѣ, отецъ Асканьо,
Что нынче мы у васъ ѣдимъ?

Епископъ (къ ученикамъ)

Пусть наши дни въ юдоли кратки:
Но манятъ благиости сыновъ...

Тонкій аббатъ (толстому)

Супъ съ артишоками, стерлядки
И пара жирныхъ каплуновъ.

Епископъ.

Насъ манятъ кладези науки,
И мы хранимъ ее, жрецы,—
Какъ въ наши передали руки
Самъ Аристотель и отцы.

Намъ бури жизни не опасны.
Мы въ тишинѣ монастырей
Къ тревогамъ черни безучастны
И глухи въ шепоту страстей.

Тонкій аббатъ (толстому)

Простите мнѣ вопросъ невинный:
Не первый день знакомы мы.
Вы не бывали у Веттины...
Напротивъ лѣвыхъ вратъ Θомы?

Толстый аббатъ (съ комическимъ ужасомъ)

Святой отецъ, не говорите:
Боюсь, какъ муха паука!
(шепчетъ на ухо)

Сегодня впрочемъ не стучите:
Къ ней собрался отецъ Лука.

Епископъ (бросивъ взглядъ на говорящихъ и немного
возвысивъ голосъ)

Мы къ плоти немощной суровы:
Примѣръ каноника Петра.
Гдѣ нынче выше богословы
Въ искусствѣ слова и пера?
Онъ скоротечныхъ благъ не чаеъ,
И не печется о земномъ
И плоть жестоко истощаетъ...

Толстый аббатъ (въ сторону)

Какъ слышно, юности грѣхомъ...

Епископъ (ученикамъ)

Къ отвѣту бодро приступите,
И, завершая подвигъ свой,
На судъ взыскательный несите
Плоды учености святой.

Отецъ Бернадъ (тихо епископу)

Экзаменъ держать—двое эти:
Они, конечно, Церкви дѣти.
Но, тотъ съ нахмуреннымъ челомъ...
Я кой—что вывѣдалъ о немъ.

Епископъ

Еретиковъ философема
Въ Сорбоннѣ гостей не живетъ.

Отецъ Бернадъ (иронически)

И подъ рукою Полифема
Второй Улиссъ не проползетъ?

Епископъ и доктора всходятъ на возвышеніе и размѣщаются въ креслахъ. Начинается экзаменъ. Слово Епископа и учениковъ неслышно. Аббаты на авансценѣ продолжаютъ переговариваться.

Третій аббатъ (указавъ на Джакомо)

Не онъ ли самый-годъ назадъ
Слонялся по святымъ аббатствамъ,
Льнянымъ подрясникамъ былъ радъ
И называлъ семь су богатствомъ?
На портикъ храма спать ходилъ,
Послушенъ рабски былъ ферулѣ,
Да убѣжалъ и поступилъ...
На содержанье къ простибулѣ?

Тонкій аббатъ.

О нѣтъ! ошиблись Вы лицомъ.

Толстый аббатъ (съ живостью)

Тотъ намъ доподлинно знакомъ.
Ужъ онъ въ вертепахъ не ночуетъ:
По замкамъ нынѣ онъ кочуетъ.
«Въ смиреньи плоти брейной рьянъ»—

Начертано въ его девизѣ.
Онъ ѣздилъ часто къ de Moïan,
Богатой и слѣпой маркизѣ.
Съ прислужницей своей она
На плитахъ каменныхъ, босая,
Sub dorsum, кротости полна.
Считала розги чуть живая.
А послѣ стало не секретъ,
Что принесло святое дѣло:
Тоща маркиза, какъ скелеть,
А та напротивъ... располѣла.

(смѣются)

Третій аббатъ отходитъ въ глубину сцены, гдѣ происходитъ экзамень.
Слышенъ голосъ Епископа. Джакомо говорить жестикюлируя. Между слуша-
телями движеніе и легкій ропотъ.

Толстый аббатъ.

Слыхали, что старикъ Донатъ
Сложилъ въ стихахъ для Серполетты?..
Пожалуй господа поэты...

(вынимаетъ доскутокъ бумаги)

Тонкій аббатъ.

О нѣтъ! Забавно! Очень радъ!
Искусно сталъ писать нашъ братъ
Медоточивые сонеты.

Толстый аббатъ

«У райскихъ вратъ прелать стоялъ
И съ истерпѣиємъ стучалъ.
— Христовой вѣры первый камень,
Отверзи двери!—онъ вопилъ—
Да не вотще же я хранилъ
Въ своей душѣ священный пламень
И сѣмя истины ростилъ;
Училъ другихъ нести невзгоды,
Любилъ послушливыхъ дѣтей.
Лишалъ ослушниковъ свободы

И не жалѣлъ для нихъ плетей!
И вновь стучалъ и похвалялся.
Но, стражъ на это отозвался:
Ужъ не гнѣвилъ—бы небеса
Ты... лупанаріевъ краса!
Спасеньемъ занятъ былъ примѣрно.
А что жъ ты такъ уситанъ, братъ?
Пилъ влагу свѣтлую Фалерна
И ѣлъ откормленныхъ цыплятъ?
Монахъ въ сердцахъ: кого морочишь?
Довольно съ cadaго грѣховъ.
Ты мнѣ цыплить простить не хочешь:
(ш-потомъ)

Инымъ прощали... пѣтуховъ!.

Тонкій аббатъ.

Стихи достойны одобренья:
Ихъ слушать можно безъ труда.
(вздохнувъ)

Не умаляютъ вдохновенья
Ни санъ высокій, ни года!

Толстый аббатъ (указавъ на третьяго аббата)

Задумчивъ добрый Кириакъ
И молчаливъ.

Тонкій аббатъ.

Не новость это.
На дняхъ близъ цирка Варіетта
Оскорблена толпой гулякъ
Его племянниця Лизетта.
На утро дѣвочку нашли...

Толстый аббатъ.

Серьезный поводъ для печали!
Уступчивъ я: пусть напали,
Пусть въ закоулокъ увлекли...
(съ грубымъ смѣхомъ)

Но, цвѣтъ невинности едва—ли
Сорвать безъ чуда тамъ могли!

Епископъ и за нимъ вся коллегія встаетъ съ кресель и подвигается
къ авансценѣ.

Епископъ (къ Джакомо, отчетливо раздѣляя слова)

Прими мое благословеніе!
Ты—просвѣщенья прочный другъ:
Проникъ глубоко въ смыслъ наукъ,
Постигнулъ точное значеніе
Законовъ стройныхъ естества—
Предначертаній Божества.
Въ твоихъ рѣчахъ непринужденныхъ
Я слышалъ вновь—святыхъ Отцовъ,
Ересіарховъ ослѣпленныхъ
И современныхъ мудрецовъ.
Ты видишь: рѣчь моя хвалебна?

(возвышая голосъ, испытующе смотритъ на Джакомо)

Но, знанье—Благости враждебно,
Когда нашъ горделивый умъ
Въ порывахъ безпокойныхъ думъ
Себя считаетъ всемогущимъ...
И Церковь вѣрою сильна:
Права свои блюдетъ она...
И горе Канона не чтушимъ!

(загадочно)

Да!... Искусъ ты не проходилъ
Въ стѣнахъ Сорбонны прозорливой,
Ты къ испытанью приступилъ,
Какъ неопитъ нетерпѣливый.
Ты интересенъ мнѣ пришлецъ!
Открой себя намъ безъ боязни:
Да не приемлешь неприязни
Среди незлобивыхъ сердець!

Джакомо.

Благословляя щедрость Неба,
Я дни влачу и сирь и вагъ.

На ременахъ сума для хлѣба,
И посохъ стравника мой стягъ.
Для душъ мечтательныхъ и чистыхъ
Такая жизнь блаженный рай.

Моя отчизна мирный край
На южномъ склонѣ Альпъ лѣсистыхъ.
Отецъ мой былъ каменотесъ.
Оазъ бѣденъ былъ. Глядѣлъ угрюмо.
Я безъ призора хилый росъ.
Всегда съ какой-то скрытой думой,
Съ тѣхъ норъ, какъ помню, все одинъ.
Мнѣ игры дѣтства чужды были
И звуки нѣжныхъ мандолинъ
Движеній сердца не будили.

Когда смолкалъ роптавшій боръ
И тѣнь ползла съ окрестныхъ горъ,
И воды сонныя темнѣли.—
Я слѣдъ звѣздъ далекой хоръ,
Цванъ таинственной свирѣли
Мнѣ былъ роднымъ и грозъ языкъ,
И горныхъ водъ немолчный лепеть,
И увядавшихъ листьевъ трепеть,
И чуткихъ совъ полночный крикъ.

Какъ рано я успокоенъ
Не зналъ въ безмолвіи вочей!
Какъ были тягостны сомнѣнья
Души младенческой моей!

Была мертва Земли природа,
Какъ саркофага Красота?!
Съ лучами перваго восхода
Кто жизнь вдохнулъ въ ея уста?
Кто сводъ, какъ чашу, опрокинулъ,
Ея лазоревое дно?
Кто разорвалъ и въ небо кинулъ
Одеждъ пастушескихъ руно?
На звѣздной нивѣ сериъ лучистый
Какимъ Жнецомъ давно забыть?
Коверъ долины ш лковистой
Кто ночью ткалъ, когда все спать?
Кто шель надъ жаждущею нивой

Съ грозой сѣшашей и гнѣвливой
И, усыпивъ ее въ горахъ,
Зажегъ рукой неторопливой
Лампады въ дальнихъ небесахъ?

Въ круговоротѣ быстротечномъ
Отца вселенной я искалъ:
Источникъ жизни— и кидалъ
Пытливый взоръ къ роднымъ и встречнымъ.

.

Въ трехъ миляхъ дряхлый патеръ жель.
Онъ мессу съ тягостью служилъ.
Я разъ его доголой встрѣтилъ
И о вседневной попросилъ.
Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ.
Но, отходя, благословилъ.
Я шелъ за нимъ и со слезами
Молилъ сомнѣнья разрѣшить,
Онъ вскинулъ мутными глазами
И, гнѣвно шевеля губами,
Съ усильемъ началъ говорить.
Вперя взоръ стеклянный, строго
Онъ прозвнесъ: «я не привыкъ
Къ рѣчамъ такимъ, хоть прожилъ много,
Не размышляй: но вѣруй въ Бога!
Впросы— дьявола языкъ!
Плоть изнуряй свою въ работѣ,
Страстей губительныхъ оплотъ!
Блюди посты и дважды въ годъ
Вкушай съ боязнью Вѣчной Плоти».

.

Но вотъ забрелъ къ вамъ пилигримъ.
Онъ мнѣ разказами про Римъ,
Какъ вѣтромъ, скудный сонъ развѣялъ.
И замысль дерзкій я взлелѣялъ.
Покинулъ я очагъ родной.
Передъ разсвѣтомъ, изголовью
Отца отдавъ поклонъ съ любовью,
Ушелъ полуденной тропой;
Плуталъ горами и лѣсамъ,
Переплывалъ стремнины водъ,

Ночь проводилъ подъ небесами:
Но вотъ—послѣдній переходъ
И—Римъ открылся предъ очами.
Руины храмовъ и аркады,
Пилющемъ повитыхъ колоннадъ,
И Тибръ, и все—въ сіяньи солнца
Встрѣчали восхищенный взглядъ
И робость тайвную веронца.

Въ тѣ дни Италия жила
Тревожной жизнью смуть народныхъ.
Въ междоусобицахъ бесплодныхъ
Рѣкой широкой кровь текла.
И воспаленными очами,
Склоняясь предъ черною Судьбой,
Страна взирала: на разбой,
На судъ творимый палачами,
И фискъ, похожій на суму,
На завезенную кунцами
Неумолимую чуму.

У государей малодушныхъ,
Слѣпцовъ, поводырямъ послушныхъ,
У отживающихъ принцессъ,
Святошь и хитрыхъ интриганокъ,
У властно правящихъ метрессъ—
Плясуній, алчныхъ куртизанокъ,
Въ дни лести, лжи, дворцовыхъ смуть,
И хищныхъ войскъ, и конкордатовъ
Постыдныхъ (стоящихъ захватовъ!)—
Наукъ-ль мирной былъ пріютъ?
Я жаждалъ въ думахъ затаенныхъ
Неисчерпаемыхъ богатствъ—
Востока свитковъ запыленныхъ—
Подъ сѣвью сумрачныхъ аббатствъ,
Отъ шума жизни удаленныхъ.
Науки признанныхъ жрецовъ,
Я въ кельяхъ навѣшалъ отцовъ,
Усердно слушалъ поученья
И повѣрялъ свои сомнѣнья.
Одинъ сердечно разсказалъ.
Что тщетно истину искалъ

И отъ работъ докучныхъ клирскихъ
Минуть забвеніа и сна
Въ подвалахъ ищетъ монастырскихъ
За бочкой стараго вина.

Между присутствующими легкое движеніе.

Тонкій аббатъ (толстому, вставая передъ нимъ).

Отецъ Францяско! заслонитесь:
На васъ онъ бросилъ бѣглый взглядъ.

Толстый аббатъ.

Благодарю Не торопитесь
Мѣнять чистилище на адъ!

Джакомо.

Но герменефть—старикъ лукавый—
На мой почтительный вопросъ
Отвѣтъ пространный и кудрявый
Нетѣропливо произнесъ.
Уста наставника збили
Фонтазомъ избранныхъ цитать.
Передъ мной заговорили
Ачаксагоръ, Платонъ, Вергилій,
Прокль, Оригенъ и Аквинать.
Но мысли трепетной ослота
Не въ постиженіи вѣчныхъ силъ,
А въ измышленьяхъ Дунса Скотта
Искать философъ мой любилъ.
И, самъ запутавъ нить доктрины,
Онъ наконецъ, какъ Раймундъ Луллъ,
Въ помояхъ школьной дисциплины,
Хрипя и корчась, потонулъ.

(задумчиво)

А мысль, что Вѣчный Міръ божественъ,
Что скрыть въ Природѣ Савооѣ,
Онъ—негодующъ торжественъ—
Озвергъ, пржлявъ еретиковъ.
Ключарь, наклоняся къ Епископу, шепчетъ ему на ухо. Лицо Епископа
мрачно.

Увы! напрасно духъ пылливый
Здѣсь жаждалъ приставъ обрѣсти,
И--дивнымъ прошлымъ горделивый,
Теперь безславно суетливый,
Услышалъ Римъ мое: прости!
И не будили вновь мечтавій
Ни роскошь мраморныхъ палаць,
Ни клики буйственныхъ собраній,
На блескъ напыщенныхъ солдатъ,
Ни женщинъ суетныя ткани,
Ни дальнихъ улиць нишета,
Невзгодъ терпѣвшая удары,
Ни слугъ смиреннаго Христа
Раззолоченныя тиары.
Когда умолкъ за мною гуль,
Я съ ближнихъ горъ на Римъ взглянулъ.
Онъ въ темной зелени тонулъ.
На безпокойномъ Тибра лонѣ
Червѣли лодки и суда
И куполь вѣчнаго Петра
Царилъ на синемъ небескльоѣ.

.

Скитаясь десять долгихъ лѣтъ,
Какъ пнокъ—я хранилъ обѣтъ
Страстей минутныхъ воздержанья.
Пришелъ въ Германію пѣшкомъ,
Гдѣ вокругъ разваливы преданья
Чуть зеленѣли всходы знанья,
И бѣднымъ жилъ ученикомъ.

Тамъ велерѣчіе каедръ
Гремѣло изъ стозвучныхъ нѣдръ
Вѣками созданныхъ соборовъ
(Для прославленій— не для споровъ,
И ухищреній злой борьбы,
И безошаднаго проклятья.—
О нѣтъ для шепота мольбы
Поодаль скорбнаго Распятья!).
Не въ схолахъ, затмѣвавшихъ Римъ,
Наставники мудрѣ змѣя.—
Но непонятые другимъ!,—
Таили искру Прометея.

Но дивный случай наконецъ
Вознаградилъ блужданій годы:
Гонимый каѳедрой мудрецъ
Завѣсу поднялъ съ тайнъ іПрироды!
(общее движеніе)

Въ голландскій скромный городокъ
На берегъ низменный Ваала
Меня приводитъ тайный рокъ.

Въ странѣ межъ двухъ племенъ лежала
Неизгладимая черта.
Враждой преступной пламенѣя,
Христианинъ тѣснилъ еврея:
Какъ-бы въ отмщенье за Христа!
И на окраинѣ презрѣнной
Съ мечтою брачно—вождемъ
Въ объятяхъ черствыхъ нищеты,
Еврей—слѣпецъ, ютился ты!
Забывъ Египеть, Аравію.
Сіонъ, гроба царей, витій.
Въ слезахъ ты ждешь еще Мессію,
Ты, избивающій мессій!

Разъ утромъ переулкомъ темнымъ
Шель, опустивъ рѣсницы вѣкъ,
И весь плащемъ закутанъ скромнымъ,
Какой-то странный человекъ.
О немъ евреевъ на площадкѣ
Спросилъ я, шумный торгъ прервавъ,
Но тѣ улыбкою загадки
Мнѣ отвѣчали, промолчавъ.
Покорный властному влеченью,
Признавъ предчувствій произволь,
За нѣмъ назойливою тѣнью
Я до предмѣстія дошелъ.
Здѣсь на послѣднемъ перекресткѣ
Онъ обернулся вдругъ назадъ,
И нестерпимы были блески
Его очей, метавшихъ взглядъ.
Пройдя ворота, шагъ усталый
Онъ временами прерывалъ
И воздухъ моря грудью впалой
Съ отрадой жадною вдыхалъ.

Душа покоемъ умиралась.
Картина мѣрная трудовъ
И нѣги отдыха открылась.
Стѣна въ плащѣ курчавыхъ мховъ
Подъ ношей Времени склонилась.
Къ ней кучка хижинъ прилѣпилась,
Бѣлѣя въ зелѣни садовъ.
На влажномъ польдерѣ лежали
Коровъ лѣнныя стада
И дюны — тучныхъ нивъ бѣда, —
Какъ мутножелтыхъ волвъ гряда,
Край небосклова окаймляли.

Къ лачужкѣ бѣдной, почернѣлой
Въ сырыхъ туманахъ, подоидя,
Остановился онъ, и я
Прервалъ мгновенно шагъ несмѣлый.
Тогда онъ голосемъ глухимъ
Спросилъ, воявая въ рѣ пытливый:
Зачѣмъ я слѣбую за нимъ,
Какъ левъ за серною пугливой?
Дрожа, — застигнутый врасплохъ, —
Ему вскричалъ я: «видить Богъ,
Мнѣ вничего отъ Васъ не надо!
Ты зають торжища мой слухъ,
Людей бѣжить усталый духъ,
И даль луговъ — моя отрада...»
И самъ, какъ пристыженный лжецъ,
Во всемъ сознался. «Я — бѣглецъ...
Осмѣянь жалкими умами...
Вашъ необычный, новый видъ
Душѣ невнятно говорить..
Я долженъ былъ идти за Вами...
Полдня стѣнные лучи
Въ каменоломняхъ близъ Каррары
Жгутъ, какъ надсмотрщиковъ бичи.
Но рабъ забылъ невзгодъ удары,
Предавшись отдыху въ ночи.
А мысли — мыши неотвязно,
Врываясь съ наглостью въ пріютъ
Счастливыхъ грезъ и нѣги праздной,
И днемъ и ночью мозгъ грызуть...»

Улыбка бога озарила
Его поблеклыи уста
И скрылась — вдруг, какъ лучъ Свѣтила,—
Какъ обманувшая мечта
Но онъ кивнулъ мнѣ головою,
И я свинцовою стопою
Неповинующихся н гъ
Съ трудомъ переступилъ порогъ.

Костлявый и землисто-блѣдный
Жилъ въ одиночествѣ аскетъ.
Кунцамъ шлифуя стекла, въ бѣдной
Харчевнѣ снискивалъ обѣдъ.
Еврей — фанатикамъ Талмуда
Простилъ рубцы кинжалныхъ ранъ.
Любилъ Христа, не вѣря въ чудо,—
И былъ врагомъ для христіанъ.
Но горечь дикичь оскорбленій,
Какъ легкій сонъ, онъ забывалъ.
Его гранитныхъ убѣжденій
Еще никто не колебалъ.
Предъ нимъ посоль Пфальцграфа гордый,
Услышавъ непреклонно твердый
И кроткій, какъ всегда, отвѣтъ,
Снялъ съ удивленіемъ бреть.
Болѣлъ онъ скорбію душевной
О частвѣ избранной Христа
Но яда злобы, рчи гнѣвной
Не знали мудрыя уста.
Во взглядѣ глазъ его прекрасныхъ,
Спокойныхъ, отрочески ясныхъ
Свѣтились, провиная даль,
Благоволенье и печаль.
Едва лишь очи я закрою,
Передо мной онъ здѣсь стоитъ.
Какъ воскъ, лицо... и ве тоскою
Полно, но тайной неземною...
И рчь прерывисто звучитъ.

— — —
«Неудержимое стремленье
Лѣтей юдоли къ небесамъ
И къ тайнѣ Мира приобщенье—
Для душъ коварныхъ: преступленье,

Мысль—ненавистная богамъ!
Но живъ въ потомствѣ восхищенномъ
Титавъ съ пылающимъ трутомъ.
Отъ кремневой искры зажженнымъ,
И жало въ вымыселъ о немъ—
О полубогъ пригвожденномъ—
Жрецовъ, торгующихъ огнемъ!

Влекутъ внимающе взоровъ жадныхъ
Кометъ таинственный полетъ
Въ пустыняхъ неба неоглядныхъ
И зоръ пророческій заходъ,
Волны прибой—слѣпой и рьяной,
Свирѣпый ревъ осеннихъ бурь,
Покровъ полночи звѣздотканый,
И дня бездонная лазурь.

Какъ отблескъ думы мимолетной
Иль тайну грусти безотчетной,
Тревожно обнявъ мать,
Дитя спѣшитъ въ очахъ читать,
Такъ озабоченно пытливо
Въ лицо природы я глядѣлъ:
Я мнилъ въ разгадкѣ терпѣливой
Дней отдаленнѣйшихъ удѣлъ.
Но развѣ мать дитя проклянетъ,
Когда оно къ ней руки тянетъ,
Кольцомъ ей шею обовѣетъ,
Уста къ ланитамъ ей прижметъ?
За что же былъ Немвродъ отринуть?
За что разгнѣванной Рукой
Расшатанъ столпъ и опрокинуть
На беззащитный родъ людской?

.....

И жутокъ сталъ просторъ для крылъ
Воспоминанья, встрепенувшихъ
Въ неясныхъ снахъ вѣковъ минувшихъ,
Когда мнѣ разумъ озарилъ
Листы угрюмые Предавья.....
Онъ весь согнулся и умолкъ.
Волной достигнуть созерцагья.

И понялъ я, что былъ мой долгъ
Не прерывать его молчанья.

Звѣра погасла. Вечерѣло.
Холодный вѣтеръ съ моря дулъ
Сквозь щели рамы отсырѣлой.
Онъ, вздрогнувъ, на меня взглянулъ.
«Пусть крѣпнеть мысль въ душѣ твоей,—
И станетъ путь сужденій яснѣе,—
Что тамъ, гдѣ нѣтъ людскихъ очей,
Миръ также грозенъ и прекрасенъ!
Святыней дѣда и отца
(И я былъ ею очарованъ!)
Лишь къ бѣдамъ смертнаго, слѣнца,
И къ радостямъ его прикованъ
Взглядъ проникающій Творца!

.....

Проникнуть я могучей мыслью,
Что Безпредѣльность естества
Съ земной юдолью, съ горней высью —
Живая Риза Божества,
Предвѣчный Саккосъ. Безъ напѣи
Душъ вдохновенныхъ острѣй взоръ
Распустилъ ливной Ткани вити,
Пойметъ божественный узоръ!
И грани нѣтъ для познаванья,
Нѣтъ мѣры смертныхъ торжеству
Въ глухомъ предчувствіи сознанья:
Мы сопричатны Божеству!.....»

.....

Онъ кончилъ. Силой вдохновенной
Дышала рѣчь. Душой смятенной.
Съ тѣхъ поръ владѣетъ мысль одна,
Что въ тѣсныхъ формахъ жизни тлѣнной
Часть Божества заключена.

(простирая впередъ руку)

Морщины — вижу. Росотъ — слышу.
Сюкратъ преступяще обманъ!
Смиренья ложью не утишу
Души правдивой ураганъ.

.....

Пустыня. Ночь. Я одиноко
 Шагаю. Спутники мои
 Давно упали. Недалеко
 Шакалы воюгъ. Но, гори,
 Гори надеждой бодрей око!
 Овь брежжитъ, брежжитъ свѣтъ зари!
 Безсильны трепетвья пени,
 И пятятся къ подошвамъ горъ,
 Цѣпляясь жадно за ступени,
 Лоскутья черной Ночи—тѣви,
 Но ихъ откроеть Солнца взоръ!

Во время послѣдней тирады Епископъ хочетъ встать; однако удержанный отцомъ Бернардомъ, опускается снова въ кресла. Джаккомо не замѣчаетъ этого; но вдохновенное лицо его дѣлается грустнымъ.

Но, человѣчество такъ сирю
 Въ пути таинственномъ своемъ,
 Мы такъ томимся тайной міра!
 И что-же вижу я? Во всемъ
 Отцовъ подобна поколѣньямъ,
 Толпа, послушная жрецамъ,
 Ужъ нагибается къ камнямъ
 Вслѣдъ проходящимъ мудрецамъ!

Епископъ

(выпрямившись и откинувъ въ сторону руку съ посохомъ)

Когда-бъ не вѣрилъ съ умиленьемъ
 Я въ стадо кроткое Христа,
 Давно-бы властнымъ повелѣньемъ
 Закрылъ коварныя уста.
 Не торжествуй, въ слѣпомъ весельи
 Завѣты Церкви осудивъ:
 Умреть, какъ эхо въ подземельи,
 Твой святотатственный призывъ!

Въ порывѣ ѣдкихъ осужденій,
 Пришлецъ, ошибся горько ты,
 И пышность нашихъ облаченій
 Не скроеть сердца чистоты.
 Вкусивъ божественное Брашно,
 Съ глухой молитвой на устахъ
 Мы на арену шли безстрашно
 И задыхались на кострахъ.

Мы обрѣли въ мученьяхъ право:
Власть разрѣшать и власть вязать.
И горе намъ, какъ рабъ лукавый,
Отвѣтъ Послащему насъ дать!

(гнѣвно)

Съ безумствомъ помыслить надменныхъ
Свѣтъ Окровенья примирить?!
Въ обитель книжниковъ смиренныхъ
Блудницу духа поселить?!
Чадь упованія отрицуть
Чтобъ ты ихъ въ бездну могъ увлечь?
Какъ пиву сортую покннуть,
На заустѣнне обречь?

Длительная пауза. Въ залѣ глубокое молчаніе. Епископъ пристально глядитъ
на Джакомо; потомъ - въ сторону, громко.

Бестыдный взоръ недоумѣнья!
Но, озираться и молчать —
Не начь! Умъ — слабъ. Согласовать,
Внимая вѣры поношенья,
Суровыхъ канонѣвъ велѣнья
И всепрощенья благодать
Не въ силахъ онъ.

(негодующе обращаясь въ пространство)

О, лицемѣры!

Вамъ не понятны чувства вѣры!
Но Авраамъ не пролилъ слезъ,
Убитый Тайной Воли значомъ:
Онъ надъ невиннымъ Исаакомъ
Свой ножъ безгрешно занесъ.

(къ Джакомо)

Зачѣмъ ты дерзостно сорвалъ
Подъ заирещенный всепознавья
И патцерь богоотрицанья
Сутаной вѣры прикрывалъ?
Ты мудръ? У насъ свои кумиры.
Твоихъ не надо намъ дировъ!

(загадочно)

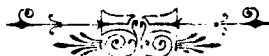
Иди. Подарки Деявиры
Предвѣстье зарева костровъ!

Когда о Богѣ—Отрастотерпѣ:
Мы вспомнимъ въ ужасѣ святомъ,
То безучастно ваше сердце
Къ поработенному грѣхомъ!
(насмѣшливо)

И вѣчны логики законы,
Искатель правды молодой:
Переступивъ порогъ Сорбонны,
Ты насмѣялся надъ собой!
Иди. Да будетъ миръ съ тобой!
Любви закона не нарушу.
(воздымая руви къ небу)

А Ты, о Боже, успокой
Его мялущуюся душу!

Уходить, благословляя Джакомо и учениковъ. Слышенъ отдаленный благовѣсть.
Джакомо стоитъ, закрывъ лицо руками. Зановѣсь медленно опускается.

НА СМЕРТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Прекрасна и ярка была твоя з а р я:
Восторгомъ общимъ пылъ воинскій встрѣ-
ченъ;

Но, расцвѣтавшій гевій твой любовно
былъ отмѣчевъ:

Изъ дыма и огня ты волей взять Царя.

* *
*

И самъ--герой тогда жъ ты осудилъ
Войны кровавое служеніе отчизнѣ.
Ты отдался заботамъ сельской жизни
И сердце радостью семи заморозилъ.

* *
*

Но, воспоминаьямъ бурнымъ далъ сво-
боду ты

И, какъ вчерашній день, фантазіей своею
Запечатлѣлъ—р о д н ы я, милыя черты
И грознаго похода эпопею.

* *
*

Твой духъ мужаль: его ты понялъ
ропотъ—

И свѣтской мишуры тебѣ смѣшонъ сталь
блескъ,

Парадовъ музыка, ковей размѣрный
топотъ...

Ты полюбилъ—и дѣла важный шопотъ
И волвъ рѣчныхъ предъ бурей мелкій
всплескъ.

* *
*

Не столько въ свиткахъ избранныхъ
творцовъ,

Какъ сердцемъ, ты постигнулъ
п р а в д у Божью,

Отвергъ рожденное невѣжствомъ и
ложью

И участь раздѣлилъ безстрашныхъ муд-
рецовъ!

* *
*

Суровый врагъ церковныхъ монополій
И средостѣнія межъ Богомъ и людьми,
Ты съ напряженіемъ внушительной свыше
воли

Исповѣдалъ ученія свои.

* * *

«Но дымъ кадилъ дверь Неба открыва-
етъ,
Не жреческихъ одеждъ виссонъ и серебро,
Нѣтъ, нѣтъ, одна любовь, безвѣстное
добро»!..

И міръ растерянный въ слезахъ тебѣ
внимаетъ...

* * *

Спокойно ясный духъ твой чуждъ былъ
о с у ж д е н ь я ,
Ты былъ рожденъ тревоги умирять,
Но зло увидѣлъ ты и слабого
гоненья

И .. ты не могъ молчать!

* * *

Нашъ Царь со скорбью вѣсть о смерти
встрѣтилъ,
Въ словахъ прекрасныхъ искренно от-
мѣтилъ
Онъ—сердца русскаго утрату и печаль...
Съ волненіемъ мы прочли безсмертную
скрижаль.

* * *

.....
Но, не скорби, поэтъ! совѣмъ онъ не
исчезъ:
Безсмертенъ онъ, въ созданіяхъ своихъ
животворящихъ.
Видѣнія-жъ очей - глубоко спящихъ,
Прекрасны—среди дубовъ таинственно
шумящихъ
Подъ звѣзднымъ пологомъ тержествен-
ныхъ и бесъ.

УНЫНІЕ.

(ВЕЛИКОПОСТНАЯ ЭЛЕГІЯ).

Въ унынїи влачу поста¹⁾ святыя дни.
Лукавыи рабъ, дары растратившии свои,
Измученъ праздностью пороками при-
крытой,

Отвергнутой любовію раббитый,
Но жаждущій какъ юноша любви!

И вотъ въ ночи тревожной и печальной,
Когда я предаюсь несбыточнымъ меч-
тамъ,
Вдругъ звонъ мнѣ слышится такъ ясно
погребальный
И грезится кадилъницъ ѳиміамъ.

И ночь бессонная тогда нарочно лится!
И хочется въ тотъ самый часъ ночной
Рыдать безумно, пламенно молиться,
И ризы разодрать, и о ступени храма
биться
Безъ времени съдою головой!

СОЖАЛѢНІЕ.

О юности друзья! Цѣню я дружбу вашу
И вамъ дарю всю сладость... горькихъ
слезъ!
Будь проклятъ день, когда отравленную
чашу
Впервые я къ устамъ дѣвѣрчиво под-
несъ!

* *
*

Безумецъ! быть любимъ, но радости
свиданій
Ты на угаръ презрѣнный обмѣнилъ!
Еще исполненный счастливыхъ упова-
ній
Ты въ оргіяхъ свой даръ таинственный
гасилъ!

* *
*

И что-жъ? былою дружбою отринуть,
Покинулъ свой рѣзецъ, забылъ свою
скрижаль...
И, какъ фіаль, который опрокинуть,
Ты будешь лишь одчу досаду и печаль..

ВОСПОМИНАНІЯ.

Прешли года. И мнѣ ее не жаль.
Ни ревность бурная, ни тихая печаль
Отнынѣ сердца не встревъжить
И запоздалый свѣтъ-души не расположить
Такъ мыслилъ я, взирая бѣдо въ даль.

Но мы въ себѣ былого носимъ ядъ.
Довѣрчивый мой слухъ склонился къ
вѣсти празднои,
И озабоченный, давно усталый взглядъ
Уже зоветъ докучливо назадъ—
Забытый сонъ, какъ нищій неотвязный.

Пусть наша жизнь тревогами полна,
Воспоминаньями зачѣмъ—увы—богата?
Вотъ свѣтлой юности пахучая весна.
Прогулка долгая. Аллея сномъ объята.
Здѣсь между линъ скользящая луна,
Тамъ надъ прудомъ паровъ стелющаяся
вата.

Ничтожной встрѣчѣ радъ я въ этотъ
часть.

Улыбкою черты раздумья измѣняю,
Но безъ вниманья чуждый слушаю
разскавъ.

Потомъ вдокну еще въ послѣдній разъ.
И путь замедленный уныло продолжаю.

НЕЗАБУДКА.

(ВЕСЕННІЯ СТАНСЫ).

Вверху надъ комнатою постылою моею
Живеть небесное, вевинное созданье —
Прелестное, какъ свѣжій цвѣтъ полей—
И будить горькое души воспоминанье
Невозвратимыхъ прежнихъ дней.

* * *

Я изъ окна гляжу, какъ ты въ серсо
играешь.
Когда приходятъ лѣта радостные дни.
Шалунья рѣзвая, вѣдь ты сама не
знаешь,
Какъ ты мила, какъ ты насъ всѣхъ
плѣбляешь,
Какъ полны граціи движенія твои.

* * *

Надеждой сладостной мнѣ поздно оболь-
щаться,
Отвѣта радостнаго странно сердцу ждать,
И встрѣчь условленныхъ прилежно до-
могаться,
И стансы нѣжные мечтательно слагать.

* * *

Нѣтъ, я хочу, чтобъ избранникъ былъ
твой,
Какъ ты прекрасенъ, юнъ и непороченъ.
Чтобъ сладостный сокъ зъ навѣки былъ-
бы проченъ,
Чтобъ полюбила ты всей женскою до-
вѣрчивой душой.

О Ч И...

Не говори! есть цвѣтъ очей
Одинъ—сердцамъ людскимъ опаснѣй!
Прекрасны: гордый мракъ ночей,
Лазурь колеблющій ручей,
Но, синева небесъ прекраснѣй!

* *
*

Я помню въ снахъ минувшихъ лѣтъ
Сбиралъ с а ф и р о в ъ кроткихъ груды,
И вотъ задумчивый поэтъ,
Забылъ сафира цвѣтъ:
Влюбленъ безумецъ въ изумруды.

С О Н Е Т Ъ.

Какъ это тягостно молчанье,
Какъ жду я прежнихъ милыхъ строкъ!
Сильнѣй чѣмъ гнѣвъ, чѣмъ порицанье
Застывшій на устахъ упрекъ.

Но не въ моей тоскѣ участие
Не огорченія слеза —
Свое испытанное счастье
Тебѣ туманило глаза!

И мнѣ не чувство состраданья;
Смушенье счастья, оправданье
Шептало сердцу моему,

Когда я къ радостямъ свиданья
Спѣшилъ и лепту подаянья
Кидалъ убогому въ суму.

СОНЕТЪ.

Вчера дрожащихъ хрупкихъ рукъ
Впервые тихо я коснулся
И бѣднымъ сердцемъ встрепенулся.
Забывшимъ горечь прежнихъ мукъ!

Быль мигъ: жеманною мимозой
И горделивой бѣлой розой,
И оскорбляясь и любя..
Я называлъ уже тебя,

Но опустился рѣсницы,
И скрылись дивныя зарницы
Твоихъ признательныхъ очей...

И ты склонилась, и зардѣлась,
И вновь гадежда загорѣлась
Въ душѣ доврчивой моей.

КРАСАВИЦЪ.

Праведный Боже, немного порою намъ
надо,
Чтобы ручьями какъ въ сказкѣ царевнѣ,
залить наши глазки!
Деревось бросаетъ мальчишка и ихъ
смрачаетъ досада—
Чистые глазки, что создавы только для
счастья и ласки!

—
Это—вчера.. а сегодня какой намъ
поэтъ перескажетъ.
Давши свободу развѣрнутымъ льющимъ
ся строчкамъ
Счастливы: новенькій плюнь пашу дѣ-
вичью талью обляжетъ!
Въ зеркало сами провѣримъ: идетъ-ли
онъ къ рдѣющимъ щечкамъ.

—
Бѣдный! давно-ли я думалъ, что всѣмъ
одѣленъ и доволенъ?
Нынѣ я завистью скрытою, ревностью
черною боленъ:
Счастливъ платокъ, осущающій очи кау-
ризной моей одалистки;
Я ужь молчу про корсажъ: ему тайпы
вдыхающій груди такъ близки!

(Изъ А. Шенье *).

I.

Побкинувъ берега страны моей прекрас-
ной,
Забитый дружбою, не видя лицъ род-
ныхъ,
Судьбою брошенъ я на островъ безу-
частный...
Но имя Франціи не сходитъ съ устъ
моихъ!
Сейчасъ у черного потухшаго камня,
Склонившись, смерть зову - свой сла-
достный ульбъ...
Мнѣ друга не пошлетъ холодная судъ-
бина
Который бы ко мнѣ неслышно рядою
сѣлъ.
Упавшаго на грудь лица увидѣлъ муку,
Сказалъбы: что съ тобой? и жаль мнѣ
крѣпко рку.

*) А. Шенье еще менѣе несчастливилось въ русскихъ переводахъ, чѣмъ его современнику Борису, величайшему англійскому лирику XVIII вѣка, вѣскольکو стихотвореній котораго превосходно переведены М. Михайловымъ. Кромѣ трехъ общеизвѣстныхъ переводовъ изъ Шенье Пушкина есть достаточно слабые переводы «Послѣдней пѣсни» (Ковалевскаго, въ «Современникѣ» 1862 г.) и «Слѣпота» А. Павловой въ въ «Отеч. Запискахъ» 1855 г. Одно или два стихотворенія недавно переведены А. М. Федоровымъ. Предлагаемая элегія написана въ годы пребыванія Шенье въ Англіи.

II.

Уединеніе и полки свитковъ пыльныхъ,
Красавицы, для душъ настойчивыхъ и
сильныхъ—
Таланты вамъ прелестьные даны .
Часы бессонные для граціи вредны.
Что ей законы сферъ и ритмы исчислен-
ній —
Докучной алгебры туманныхъ ступени?*)
Устамъ запекшимся отъ диспутовъ су-
хихъ
Такъ трудны вѣжности въ признаньяхъ
ночныхъ!
Имъ вздохи: о душа! о сердце!—незна-
комы,
Стыдливость полусловъ и сладостной
востомы!...

*) Въ подлинникѣ: «или туманныя ступени отъ
(а в)».

Изъ старой тетради

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

...И Новый Годъ уже грядетъ.
Недолгій гость въ вѣкахъ текущихъ
Дары счастливые-ль несетъ
Онъ для скорбящихъ, нищихъ?
Или, какъ прежде, человекъ
Люби закона не одѣнить:
Слѣной для нищихъ и калѣкъ —
Онъ наслажденьямъ не измѣнить.

Или, какъ прежде, будемъ мы
Готовить лучшимъ изъ собратій
Печать безплодную тирьмы.
Копмары каменныхъ объятій.
Но Годъ безмолвенъ молодой,
Въ пирахъ подлунная обитель..
И вѣнится мнѣ, что Искупитель
Со звѣздъ на землю въ часъ ночной
Глядитъ съ безмолвною тоской.

АКРОСТИХИ ЮНОСТИ.

I.

Довольно! болѣе ни слова
О ней не вымолвлю я вновь.
Развѣялъ я печаль былого:
Мнѣ не нужна ея любовь!
И если бѣ кто-нибудь попытася
Души моей смутить покой,
Обидной рѣчью отозвался бѣ
На этотъ голосъ гнѣвный мой...
Такъ я сказалъ. И въ тожъ мгновенье
О милой самъ я вспомнилъ вновь!
Волнуюсь... стихло раздраженье,
А дальше слезы и любовь!

II.

Давно миновали тяжелые дни;
Обиды затихли, какъ раны;
Развѣялись ревности черные сны;
Мечтанья, какъ утро румяны.
И если-бѣ какъ прежде молиться умѣлъ
Довѣрчивой чистой душою:
О ней ненаглядной молиться бѣ хотѣлъ.
На образъ взирая съ мольбою.
Теперь я утратилъ ту вѣру! Лечу,
О дѣтство, къ тебѣ я съ мечтою:
Вернись! я молиться и плакать хочу,
А счастье... останься со мною!

С Н Ы,

Я мечталъ... Я съ мечтою послушной моей
Пробирался цвѣтущею нивой;
Слушалъ ропотъ волны безпокойныхъ
морей,

Видѣлъ чайки полетъ торопливый;

Я по знойной пустынѣ съ верблюдомъ
шагалъ,

Караваны купцовъ прогожая;
Лунной ночью въ Египтѣ у сфинксовъ
стоялъ,

У причудливыхъ пагодъ Китая;

И на сѣверѣ мертвомъ, гдѣ въ тундрахъ
нагихъ

Солнца лучъ такъ уныло сіяетъ;
Гдѣ въ расщелинахъ скалъ, на уступахъ
крутыхъ

Тошій ягель и мохъ вырастаетъ,

И на югѣ, гдѣ синее небо всегда
Отражается быстрой рѣкою.

На альпійскихъ горахъ, гдѣ пасутся
стада,

Съ прихотливой несился мечтою.

Но, когда воплотилъ въ звучный стихъ
свои сны,

Чтобы милой съ зарею приснились,
Не узналъ я видѣній: скучны и блѣдны,—
Словно сѣрымъ туманомъ покрылись...

Пусть суровъ, но снѣ правъ— приговоръ
мудреца...

И создавъ вѣнчаннаго лавромъ пѣвца
Кружевище сѣтей паутины
Были кованы молотомъ въ потѣ лица
И омыты слезами кручины.

П О Э З И Я .

Не только въ сiянии лунныхъ лучей,
Облившихъ кривистыя горы, —
Поэзія есть и во мракъ еоней,
Пугающемъ робкіе взоры.
Какъ въ тихихъ озерахъ, въ щиволь-
ныхъ лугахъ
И въ свѣжыхъ волнистыхъ сугробахъ,
Такъ шумныхъ и полныхъ тревогъ го-
редахъ,
И въ шахтахъ, — удушливыхъ гробахъ, —
На фабрикахъ тѣсныхъ, гдѣ стукъ колеса
Смѣняется рѣзко свистками,
Поэзія той-же я встрѣтилъ глаза,
Но только глаза со слезами.